

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.

Prix: 50 centimes.

Вторникъ 29 ноября 1881
17 ноября

Отдельные номера продаются по 50 сант. въ книжномъ магазинѣ Н. GEORG, Genève, rue de la Corraterie. Телеграммы, письма и корреспонденціи въ редакцію адресуются: rédaction du journal «LA PAROLE LIBRE» Poste-restante, Eaux-Vives, Genève. Желających пѣть лично объясненія съ редакціей просятъ обращаться по тому же адресу.

СОДЕРЖАНИЕ:

1) Отъ Редакціи. — 2) Признаніе необходимости обезпеченія гражданского мира и законной свободы личности; требованіе обществомъ своей доли участія въ государственныхъ преобразованіяхъ; о личной безопасности; смѣшеніе юридическихъ понятій и даже полное отсутствіе юридическаго смысла въ дѣйствіяхъ петербургскаго правительства; необходимый первый шагъ для водворенія гражданского мира. — 3) Мѣра русскаго правительства, заслуживающая одобренія; извѣстія объ отъѣзѣ циркуляра 1876 года. — 4) Историческая Польша и великорусская демократія, XIV, М. Драгоманова. — 5) Изъ Петербурга (отъ нашего корреспондента) г-на И. Ф. — 6) Вооруженное народное движеніе въ Герцеговинѣ и въ Бокѣ Котарской (отъ нашего корреспондента изъ Дубровника) М. П.—ичъ. — 7) Хроника рабочаго движенія; I. Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты: Агитация противъ ввоза китайскихъ рабочихъ. Обращеніе комитета рабочихъ общества въ Чикаго къ вдовѣ Гарфильда. Стачки. II. Франція: Национальный рабочий конгрессъ въ Реймсѣ. Областные организации. Стачки. III. Германія: Отвѣтъ социаль-демократовъ на предложеніе агентствъ Бисмарка.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

Съ тѣхъ поръ, какъ мы начали говорить о насиліяхъ австрійскаго правительства надъ сербскимъ населеніемъ Босніи и Герцеговины, Австро-Венгерское почтовое ведомство стало возвращать въ редакцію посылаемые подъ бандеролью номера „Вольнаго Слова“, съ подписями чиновниковъ: „Verboten“ или „Postdebit entzogen“. Вслѣдствіе этого произошло замедленіе въ доставкѣ газеты нашимъ подписчикамъ въ землѣхъ, соединенныхъ подъ австро-венгерскою короною. Для устраненія такого неудобства на будущее время, Редакціей приняты мѣры, и она имѣетъ честь извѣстить своихъ подписчиковъ въ Австро-Венгрію, что они, по прежнему,

будутъ получать газету „Вольное Слово“ безъ всякаго увеличенія расходовъ съ ихъ стороны. Мѣра, принятая противъ нашего изданія австрійскимъ правительствомъ, вынуждаетъ насъ только, вслѣдствіе увеличенія въ пять разъ почтовыхъ расходовъ, отказаться отъ бесплатной разсылки газеты въ предѣлахъ неогостепріимной для свободнаго выраженія мнѣній и правдиваго освѣщенія фактовъ Австро-Венгріи.

Отдельные номера продаются въ Редакціи по 50 сант. и по той же цѣнѣ высылаются во все города Западной Европы и Сѣверной Америки. За 20 Мѣ, уже вышедшихъ и имѣющихъ появиться въ свѣтъ до новаго года, уплачивается съ пересылкою и доставкою на домъ 10 франковъ.

Объ условіяхъ подписки съ новаго года будетъ объявлено въ декабрь.

Женева, 29 ноября.

Не только такъ называемые либералы, но и сторонники полицейскаго управленія государствомъ (посредствомъ лицъ, прямо или косвенно назначаемыхъ верховною властью, а не народнымъ избраніемъ) заговорили о необходимости хорошаго управленія и объ „обезпеченіи гражданского мира и законной свободы личности“. Ставшее обычнымъ на Руси и какъ бы нераздѣльнымъ съ поклоненіемъ самодержавію принесеніе въ жертву гражданскому миру личной свободы гражданъ признано, наконецъ, возмутительною несообразностію. Даже въ мозгахъ московскихъ охранителей шевелулась мысль, что постоянное нарушеніе равновѣсія между правами и обязанностями управляемыхъ создаетъ именно такой порядокъ вещей, при которомъ становится невозможнымъ сохраненіе гражданского

мира. Поняли, наконецъ, что какова бы ни была „самобытность русскаго человѣка“, какова бы ни была „печать“, наложенная на него исповѣданіемъ православія, ни одинъ человѣкъ даже на Москвѣ, — въ этомъ „сердцѣ“ Россіи, въ этомъ средоточіи самобытности русскаго народа, „духовно пріобщающагося православія“ и уходящаго отъ православной церкви въ расколъ, — даже тамъ не найдется человѣка, который отстанвалъ бы кутузку, какъ краугольный камень гражданского мира, и былъ бы склоненъ видѣть въ произволѣ власти залогъ народнаго благоденствія.

Производящее свою власть прямо отъ бога правительство Россійской имперіи не думаетъ болѣе, что если народъ молчитъ, то, стало быть, „благоденствуетъ“. Въ своей народобоязни оно предчувствуетъ, что недалеко то время, когда оскорбленное въ своихъ священнѣйшихъ правахъ общество и обобранный, какъ липка, народъ хоромъ и дружно повторять слова всевышняго, — повѣданныя людямъ не устами косноязычнаго пророка Моисея, а звучимъ стихомъ нарижекаго пѣснопѣсца Берамже, — достопамятныя слова, обращенныя къ помазанникамъ на царство:

„Si c'est par moi qu'ils règnent de la sorte —
„Je veux bien, mes enfants, que le diable m'emporte“.

Русское правительство поняло, что не можетъ само двигать административною машиною. Не слушая болѣе разноснмыхъ изъ Москвы хвалебныхъ гимновъ незыблемости самодержавія, оно догадалось, что тронъ самодержца самъ собою держаться не можетъ, что для его поддержки нужны не дворцы, а живые люди, сильные своимъ вліяніемъ на народъ и вѣрующіе въ силу и благодѣтельность единоличной власти. Но такихъ людей не оказывается ни среди духовенства,

Какими бы прерогативами ни пользовалась самодержавная власть въ установлении мѣръ обезпеченія гражданскаго мира, на сколько бы, по предположенію московскихъ славянофиловъ, она ни стояла выше всякихъ интересовъ какихъ бы то ни было партій, всё всякихъ мелочныхъ расчетовъ суеи мірекой, а потому и была бы въ состояніи отнестись съ полнымъ безпристрастіемъ къ поступкамъ всѣхъ и каждаго изъ среды подданныхъ и болѣе чѣмъ кто либо позаботиться объ ихъ благѣ; въ какомъ бы идеальномъ видѣ ни представлялась личность самодержца болѣзненному воображенію братьевъ Аксаковыхъ и Iulii quani, — всё эти прерогативы и призрачныя достоинства не могутъ быть перенесены на цѣлый сонмъ подручныхъ администраторовъ, избираемыхъ самодержцемъ для осуществленія своей воли и имъ же самимъ заклеяемыхъ именемъ хищниковъ. Между тѣмъ только эти хищники призваны въ настоящее время охранять въ Россіи гражданскій миръ, все же остальное населеніе по-прежнему лишено права личной безопасности, указомъ 4-го сентября о повсемѣстномъ усиленіи дискреціонной власти губернаторовъ, полицеймейстеровъ, неправниковъ и жандармовъ. Въ виду этого указа, на вопросъ: противъ кого приняты мѣры безопасности? — надо отвѣтить: противъ всего населенія, потому что всякій, кто бы онъ ни былъ, можетъ быть подвергнутъ личному задержанію и болѣе или менѣе продолжительному заключенію по усмотрѣнію кого либо изъ упомянутыхъ агентовъ власти. Судъ не можетъ придти на помощь напрасно пострадавшему; по точному же смыслу „положенія объ охранѣ“, 14 августа, сами судьи не составляютъ исключенія и могутъ быть посажены въ кутузку и подвергнуты домашнему обыску. Здѣсь уже мы не только встречаемся съ перенесеніемъ, вопреки русскимъ же законамъ, мнимой непогрѣшимости самодержавія на полицейскаго чиновника, но полицейскій чинъ является единственнымъ носителемъ этой непогрѣшимости; здѣсь уже нѣтъ мѣста смѣшенію юридическихъ понятій, здѣсь полное отсутствіе юридическаго смысла, водвореніе произвола низшей административно-полицейской инстанціи въ ущербъ нравственному авторитету верховной власти, основанному на предположеніи, что эта власть справедлива и потому собственно и сосредоточена въ рукахъ одного человѣка, главы государства, чтобы ни кѣмъ и ни чѣмъ не быть стѣсненною въ отиравленіи справедливости.

Но какія внутреннія преобразованія по почину правительства и на благо населенію возможны при отсутствіи въ правительственной средѣ, въ сознаніи самого носителя самодержавія начальныхъ понятій о юридической справедливости и способахъ ея осуществленія въ государственной жизни?

Очевидно, что пока верховная власть не сознаетъ своихъ прямыхъ обязанностей по отношенію къ населенію, пока она не сдѣлаетъ перваго шага къ водворенію гражданскаго мира, т. е., пока не введетъ свои дѣйствія въ рамки строгой законности и не установитъ отвѣтственности передъ судомъ, по требованію потерпѣвшихъ, всѣхъ безъ исключенія исполнителей своихъ распоряженій, пока не откажется отъ произвола располагать личностію гражданъ по своему усмотрѣнію, а не на основаніи закона и по приговорамъ независимаго отъ администраціи суда, — до тѣхъ поръ никакія улучшенія въ порядкѣ управленія не мыслимы, никакое согласованіе цѣлей правительства съ нуждами населенія страны невозможно.

Дальнѣйшія свои соображенія мы выскажемъ въ слѣдующемъ №-рѣ.

МѢРА РУССКАГО ПРАВИТЕЛЬСТВА, ЗАСЛУЖИВАЮЩАЯ ОДОБРЕНІЯ.

Въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, имѣющихъ быть введенными въ прибалтійскомъ краѣ, содержится признаніе равноправности четырехъ мѣстныхъ языковъ: эстонскаго, латышскаго, нѣмецкаго и русскаго. Мы безусловно одобряемъ эту мѣру и надѣемся, что правительство *не замедлитъ* распространить примѣненіе признаннаго имъ принципа и на другіе народы имперіи. Въ противномъ случаѣ, оно бы показало, что хорошія мѣры принимаются имъ или безсознательно или неискренно.

Только что получено извѣстіе объ отмѣнѣ циркуляра 1876 года, опозорившаго русское правительство запрещеніемъ малорусской литературы и музыки. Остается еще отмѣнить распоряженія 1863 г., запретившія печатаніе малорусскихъ книгъ религиозныхъ и педагогическихъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОЛЬША

и

ВЕЛИКОРУССКАЯ ДЕМОКРАТІЯ.

XIV.

Въ предстоящемъ намъ теперь обзорѣ отношеній польской и великорусской политической печати къ различнымъ народамъ

бывшей Польши и пылѣвшей Россіи намъ придется говорить почти исключительно о печати эмиграціонной или тайной, — потому что только въ ней политическіе вопросы ставятся съ извѣстной откровенностью. Весьма можетъ быть, что до сихъ поръ не всѣ мнѣнія, какія существуютъ въ польскихъ и великорусскихъ революціонныхъ и даже вообще прогрессистскихъ кругахъ, имѣли случай, или даже счастье, быть высказанными въ вышеупомянутой печати, но наблюдателю ничего не остается, какъ только говорить о томъ, что видно, и ожидать дополненій отъ тѣхъ, кто можетъ видѣть сокровище, а еще бы лучше, отъ самихъ тѣхъ, чьи мнѣнія остаются до сихъ поръ сокрытыми. Мы первые были бы рады, если бы оказалось, что въ польскихъ и великорусскихъ революціонныхъ и вообще прогрессистскихъ кругахъ существуютъ люди съ вполне опредѣленными и обдуманнѣйшими въ подробностяхъ интернаціональными, народно-федеративными стремленіями, — но пока мы очень мало видимъ ихъ признаковъ въ печати, а выѣсто того видимъ слишкомъ много признаковъ упорства въ старыхъ государственно-національных, централистическихъ стремленіяхъ и предразсудкахъ. Попробуемъ же собрать и признаки новаго, и остатки стараго въ польской и великорусской публицистикѣ послѣдняго времени.

Самое радикальное отреченіе отъ идеи исторической Польши въ пользу идеи о самостоятельности народовъ, се населяющихъ, какое до сихъ поръ мы встрѣчали въ польской печати, принадлежитъ М. Г., неизвѣстному автору брошюрки „Głos z Korony, paŋstwiu rokiem 1872“, изданной еще въ 1873 г. въ Краковѣ. Авторъ ея, по всему видно, держится не слишкомъ радикальныхъ мнѣній по вопросамъ религіознымъ и соціально-политическимъ, но обладаетъ искреннею любовью къ своей національности, которую желалъ бы предохранить отъ поглощенія и прусскаго, и русскаго и, какъ сынъ дѣйствительно польской земли, — (Короною называютъ поляки край Варшавскій), — онъ скорѣе, чѣмъ шляхетскіе „перевертны“ попольскихъ земель, стужалъ отдѣляться отъ шовинистическихъ идей по отношенію къ этимъ послѣднимъ землямъ. Переходя къ обсужденію вопроса о „такъ называемомъ западномъ краѣ“ или, какъ пересчитываетъ г. М. Г., „Литвы, Волини, Подолии и Украйны“, авторъ говоритъ: „мы уже намекали, что вслѣдствіе измѣнившихся въ теченіе столѣтія условий и идей, мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія требовать себѣ провинцій, заселенныхъ русинскою народностію, развѣ бы захотѣли дѣйствовать во имя насилія. Тутъ только является вопросъ, можетъ ли та часть населенія польскаго, которая живетъ въ этомъ краѣ, надѣяться гарантій свободнаго употребленія своего языка въ школахъ и церкви, къ какому бы вѣроисповѣданію населеніе польское ни принадлежало?... Что до языка администраціи въ краяхъ русинскихъ, то претензіи наши тутъ не опираются ни на какихъ факти-

ческих основах. Во всяком случае до XVI века языком администрации и дипломатическим в Литве был язык белорусский, а не польский. Оставим же малоруссам и белорусам разрешение вопроса: будет ли языком их будущего в области литературы, администрации и в церкви прекрасный, мелодический язык народных песен, Шевченка, Падуры, язык, который трудом интеллигенции русинской, по примеру западных и южных славян, скоро мог бы распутить крылья до полета наравне с потребностями времени, — или же языком этим должен быть язык великорусский, постепенно, вследствие влияния университетов киевского и харьковского, вытесняющий язык малорусский из употребления в кругах более образованного малорусского населения.

„Это вопрос по истини чрезвычайно важный, особенно для русинского народа, потому что решение его окончательно в пользу великорусского языка надолго придавить просвещение среди русинов и установить перегородку между образованным классом и народом, который не перестанет тянуть плечи на язык, так им любим, так гибком к тонам грустной мелодии; мы должны однако стать в стороне от этого вопроса, и непрощенно не брать в нем участия, а тем более не делать, как теперь, натиска на пользу одной стороны в решении этого вопроса *) (Op. cit. 28—30).

Мысли в таком духе мы встречали в двух-трех корреспонденциях из Царства Польского в петербургские газеты, но ни у кого они не доходили до такой категоричности, как у вышеупомянутого автора. Равным образом в последнее время в журналах молодой польской партии в Варшаве, как напр. в „Przegląd Tygodniowy“ можно было встречать статьи довольно симпатичные напр. к украинскому движению в Галиции. В духе примирения с русинами высказывался и „Dziennik Poznański“ и другие познанские журналы (напр. Przegląd Słowiański), напуганные натиском германизации. Но ни в одном еще журнале польском мы не встретили систематически проведенного нового взгляда на отношения поляков к непольским народам бывшего польского государства, взгляда, исходящего из полного отрицания исторического польского патриотизма и из признания полной самостоя-

тельности и отдельности вышеупомянутых народов от Польши. Напротив того, вполне непримиримы идеи старого польского исторического патриотизма находят себя органы во всех польских центрах, а особенно в „самой свободной стране бывшей Польши“, — как называла Галицию социалистическая „Równość“. Обстоятельство это показывает, что мысль о раздѣлѣ исторической Польши между ея народами до сих пор еще не нашла себя достаточного количества приверженцев в польском обществе. А без этой мысли, — развѣ могут быть сдѣланы совершенно новые шаги к политическому и национальному освобождению поляков, при посредствѣ широкаго федеральнаго движенія на Востоке Европы?

Без этой мысли невозможна и организация социалистической пропаганды в стране между Вислою и Карпатами с одной стороны и Днѣпромъ и Десною с другой, на началахъ дѣйствительно интернациональных. А между тѣмъ и въ новыхъ социалистическихъ кружкахъ польскихъ мысль о вышеупомянутомъ раздѣлѣ исторической Польши между равноправными ея народами до сих поръ не встрѣтила себя много сочувствія. До сих поръ мы можемъ остановиться только на трехъ болѣе или менѣе прямыхъ указаніяхъ на существованіе признанія подобной мысли въ польскихъ кружкахъ. Самое раннее изъ нихъ относится къ 1877 г. Въ это время въ Львовѣ производился процессъ (второй) социалистовъ украинцевъ, къ которому былъ привлеченъ и полякъ изъ Россіи, г. Котурницкій. У послѣдняго найдено было письмо автора настоящей статьи къ галицкому украинцу г. Павлику, — въ каковомъ письмѣ между прочимъ высказано было одно изъ основныхъ положеній, опредѣляющихъ отношеніе украинцевъ къ полякамъ: „польскіе социалисты должны съ перваго же раза заявить, что ихъ цѣлью никоимъ образомъ не можетъ быть восстановленіе стараго польскаго государства 1772 г., даже социалистическаго, но организація польскаго народа на польской землѣ, въ связи съ украинскими социалистами, которые организуютъ свой народъ на его землѣ.“

Участвовавшіе въ процессѣ украинцы заявили болѣе или менѣе опредѣленно о своей солидарности съ авторомъ письма, и польскій ихъ товарищъ не высказался противъ его положенія, а заявилъ, что только на почвѣ социализма состоитъ примиреніе русиновъ съ поляками, котораго такъ тщетно добивались старыя польскія партіи. Другое, гораздо болѣе ясное, заявленіе находимъ въ словахъ письма, посланнаго „кружкомъ социалистовъ польскихъ изъ „московского захвата“ (kolko socjalistów Polskich z pod zaboru Moskiewskiego) на митингъ, созванный редакціей „Równość“ въ Женевѣ въ 50-лѣтнюю годовщину возстанія 1830 г., — 30 ноября 1880 г.: „Вамъ искренне и по братски протягиваемъ руку нашу, братья социалисты, къ какой бы народности вы ни принадлежали, а особенно вамъ, наши ближайшіе сосѣди, социали-

сты украинскіе, великорусскіе и нѣмецкіе (socjalisci ruscy, rosyjscy i niemieccy“. Bibliot. „Równość“, I, 9) *).

Но самое прямое и ясное признаніе въ такомъ духѣ, — хотя все таки относительно однихъ только украинцевъ, находимъ въ двухъ уже упомянутыхъ программахъ галицкихъ, напечатанныхъ въ текущемъ году. Мы будемъ еще говорить объ этихъ программахъ въ особой общинной статьѣ, а теперь сдѣлаемъ только выписку одной изъ нихъ, въ которой, можетъ быть, читателямъ будетъ интересно встрѣтить какъ вполне интернациональныя, федеральныя идеи въ приложеніи къ населенію изъ одной изъ частей исторической Польши, такъ и соответственно имъ, рациональное отношеніе къ вопросу о національностяхъ вообще, отличное отъ того, какое мы видѣли выше у якобинствующихъ социалистовъ.

„Польско-украинская рабочая партия не можетъ имѣть ничего общаго съ тою партией, которая стремится къ восстановленію Польши эпохи Ягеллоновъ, — „отъ моря до моря“. Мы не хотимъ господства одной народности надъ другою. Мы сторонники самой широкой федерации и убѣждены, что каждый народъ можетъ развиваться успѣшно только на основѣ самостоятельной жизни и полной свободы. Вместе съ такимъ развитіемъ пойдетъ уничтоженіе национальных антипатій, возрастетъ солидарность свободныхъ народовъ и общечеловѣческія стремленія. Человѣчество въ своемъ естественномъ развитіи обнаруживаетъ стремленіе къ сложной организационной индивидуальности, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ усиленію (do polegowania) чертъ, общихъ этимъ индивидуальностямъ. Чѣмъ болѣе разовьются эти индивидуальности, тѣмъ скорѣе и цѣлое человечество начнетъ чувствовать свое единство передъ остальною природою: борьба между людьми прекратится, а мѣсто ея займетъ борьба съ остальною природою соединенными силами цѣлаго рода людскаго.

„По тѣмъ же самымъ основаніямъ мы должны отрицательно отнестись и къ дѣятельности той политической фракціи у русиновъ, которая стремится къ слитію народности малорусской съ великорусской, стараясь постепенно стереть національныя черты русиновъ и посѣвая вражду между русинами и поляками. Эта агитация поднята господствующими классами и служитъ исключительно ихъ цѣлямъ.

„Народная партія русиновъ, т. наз. украинцевъ (галицкихъ), въ настоящее время обнаруживаетъ чисто буржуазныя стремленія, которыхъ мы поддерживать не можемъ.

„Поляки собственно не имѣютъ народной партіи (ludowego stronnictwa). Малочисленнымъ сторонникамъ демократіи между буржуазіей польской не удалось, не смотря на неоднократныя попытки, организовать партію; эти демократы, разсѣянные по разнымъ политическимъ группамъ, имѣющимъ въ цѣломъ направленіе недемократическое, идутъ

*) Последнія слова для насъ не совсѣмъ ясны, а что въ нихъ ясно, съ тѣмъ мы не можемъ согласиться. Непонятно, что авторъ разумѣетъ, говоря, что поляки наклоняли всѣмъ споръ между „русинскимъ“ и великорусскимъ языкомъ въ одну сторону. Во всякомъ случаѣ, въ украинскую сторону они ихъ наклоняли мало, а своимъ противодействіемъ русинамъ въ Галиции они препятствуютъ наклонѣ въ сторону украинцевъ. Далѣе, если авторъ соотвѣтствуетъ нейтралитетъ полякамъ изъ „Короны“, то съ этимъ можно еще согласиться, — но образованные поляки на Украинѣ и Белоруссіи, а также въ Литвѣ и Латышши, какъ люди воспитавшіеся на счетъ туземныхъ массъ, должны не держать нейтралитета, а напротивъ, отслужить этимъ массамъ работою для ихъ просвѣщенія, конечно, на языкахъ этихъ массъ.

*) При случаѣ обращаемъ вниманіе на польскую національную терминологию, которая видна въ подчеркнутыхъ словахъ и которой обыкновенно не знаетъ «русская» публика.

съ ними рука объ руку даже въ вопросахъ кардинальной важности.

„Такъ называемый „еврейскій вопросъ“ для насъ не существуетъ. Мы боремся противъ еврейской *буржуазии*, не потому что она еврейская, а потому что она буржуазія; мы соединяемся съ *пролетариатомъ* еврейскимъ, потому что его соединяетъ съ нами интересъ класса. Мы не признаемъ антагонизмовъ племенныхъ и національныхъ, а религиозныя вѣрованія считаемъ дѣломъ частнымъ.“

Не трудно видѣть, что галицкая польско-украинская программа становится вполне на точку зрѣнія украинскихъ социалистовъ и что если бы эта точка зрѣнія была усвоена социалистами поляками напр. въ Варшавѣ, Ковнѣ, Вильнѣ, Динабургѣ, Минскѣ, Житомирѣ и т. п., — то мы бы увидѣли въ тамошнихъ социалистическихъ кружкахъ заботы о пропагандѣ на языкахъ не только польскомъ, но и нѣмецкомъ, нѣмецко-еврейскомъ, литовскомъ, латышскомъ, бѣлорусскомъ, украинскомъ. Польская социалистическая печать, если бы она, стоя на почвѣ реальныхъ отношеній польскаго населенія, вполне отрѣшилась отъ старинныхъ польскихъ государственныхъ претензій, должна бы была сразу же высказаться въ пользу необходимости такой вполне интернаціональной работы. А между тѣмъ, къ сожалѣнію, большая часть лицъ, въ послѣднее время выступившихъ въ заграничной польской печати социалистическаго направленія, не только не высказалась въ такомъ духѣ, а показала въ своихъ писаніяхъ значительное количество остатковъ стариннаго историческаго польскаго централизма. Мы бы предпочли вовсе молчать о такихъ писателяхъ, если бы мы видѣли помимо ихъ достаточное количество заявленій, хоть въ родѣ галиційскихъ программъ, изъ разныхъ концовъ бывшей Польши.

Въ 1879 г. г. Б. Лимановскій издалъ брошюру: „*Socjalizm jako konieczny objaw dziejowego rozwoju*“ и въ ней безъ всякихъ оговорокъ процитировалъ, какъ могущее до сихъ поръ служить основаніемъ для польскихъ социалистовъ заявленіе демократовъ 1846 г., которое между прочимъ насчитало 20 миліоновъ поляковъ, — а дальше рассматриваетъ „Русь“, какъ провинцію Польши и т. д. Въ отвѣтъ на наши замѣчанія по этому поводу въ „Листкѣ Громады“ г. Лимановскій прислалъ намъ письмо, которое мы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не имѣли случая напечатать. Въ письмѣ этомъ г. Лимановскій, не отвѣчая, впрочемъ, категорически на наши вопросы, заявляетъ, правда, что признаетъ самостоятельность „русиновъ“, но вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ желаніе возобновленія Люблинской уніи 1569 г. Мы вообще не понимаемъ, какое значеніе для социализма, какъ „конечнаго результата историческаго развитія“, можетъ имѣть эта полудушная и цѣликомъ шляхетская унія. А въ частности думаемъ, что дѣйствительно желательное согласіе между политическими дѣятелями разныхъ народовъ въ предѣлахъ бывшей Польши и Литвы можетъ наступить только тогда, когда поль-

скіе дѣятели окончательно сдадутъ въ архивъ всякія ссылки на Люблинскую унію, о которой по крайней мѣрѣ украинцы и въ Россіи, и въ Австріи и слышать не хотятъ. (Сопшемся напр. хоть на протестъ галицкихъ „народовцевъ“ противъ польской демонстраціи въ память этой уніи 1869 г.). Г. Лимановскому слѣдовало бы во всякомъ случаѣ подождать, пока появится среди русиновъ хоть какое либо подобіе партіи, согласной на возобновленіе Люблинской уніи. А между тѣмъ онъ продолжаетъ въ „*Jahrbuch für Sozialwissenschaft*“ третировать по крайней мѣрѣ землю галицкихъ русиновъ, какъ Польшу, въ противность тому, что заявляютъ даже поляки-социалисты изъ Галиціи. И при этомъ еще польскій социалистическій патріотъ жалуется европейской публикѣ, что „нѣкоторые русинскіе социалистическіе писатели обращаютъ болѣе вниманія на проведеніе границъ между національностями, чѣмъ на строгое соединеніе силъ въ борьбѣ съ нашимъ опаснѣйшимъ врагомъ (какимъ?). Они сѣютъ несогласіе тамъ, гдѣ должна бы господствовать строгая солидарность“ и т. п. (*Jahrbuch*, III, 261). Какъ будто записывать въ Польшу напр. галичанъ не значитъ проводить границу, и притомъ совершенно невѣрную, между ними и ихъ братьями придѣлпровскими? и какъ будто можно придумать что либо, болѣе способное сѣять несогласіе между русинами и поляками, какъ навязываться первымъ съ польскою національностью и Польшею-государствомъ, которое такъ имъ опротивило?!

Если вѣрить газетамъ, описывавшимъ конгрессъ въ Хурѣ, (между прочимъ и польской газетѣ „*Przedswit*“), г. Лимановскій прямо заявилъ тамъ о необходимости возобновленія польскаго государства, при помощи даже польскихъ демократовъ старой школы, — конечно, въ границахъ, какія угодно будетъ провести г. Лимановскому и этимъ демократамъ. Любопытно, что при этомъ, какъ рассказываетъ „*Przedswit*“, г. Лимановскій являлся делегатомъ галицкихъ организованныхъ рабочихъ и читалъ отрывки изъ ихъ программы. Конечно, эти отрывки были не тѣ, которые мы привели выше, потому что иначе конгрессъ бы увидѣлъ, что г. Лимановскій никоимъ образомъ не можетъ считаться представителемъ кружковъ, которые составили эту программу*). Пов-

*) Судя по письму къ намъ изъ Галиціи отъ лица вполне компетентнаго, программу эту постигли презлополучныя приключенія: она была озаглавлена „*Program socjalistów polskich i ruskich (украинскихъ) wschodniej Galicji*“ и въ такомъ видѣ отправлена въ Женеву для печатанія. Но здѣсь (*Imprimerie Polonoise, chemin Neuf, 13*) „по ошибкѣ типографика“, она явилась подъ именемъ только „*Program soc. polskich*“ и пр. и въ такомъ видѣ была пушена въ ходъ (она попала въ такую „опечатку“ и въ руки австрійской полиціи). Опечатка была опростослована изъ Галиціи, — тогда прежнее заглавіе было заклеено новымъ, но опять не тѣмъ, какое было составлено на мѣстѣ, — а опять другимъ: „*Program socjalistów galicyjskich*“. Новая „опечатка“ внесла и слово „*polskich*“, но скрыла опять и слово „*ruskich*“. Удивительно это постоянство типографской судьбы въ преслѣдованіи этого слова! Въ довершеніе г. Лимановскій явился на конгрессъ въ Хурѣ съ этой программой въ рукахъ, какъ представитель идеи о

торяемъ, если все, рассказанное о поведеніи г. Лимановскаго на конгрессѣ въ Хурѣ, правда, — то, конечно, такое поведеніе одного изъ самыхъ плодovitыхъ польскихъ писателей социалистовъ всего менѣе способно установить согласіе тамъ, гдѣ оно должно существовать. Во всякомъ же случаѣ, заявленія г. Лимановскаго въ пользу необходимости возстановленія Польши, какъ государства, обязываютъ его и къ строгому опредѣленію границъ его, въ которыя онъ не имѣетъ никакого права вносить непольскія земли, какъ онъ это дѣлаетъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ. Иначе тутъ не только не можетъ быть вопроса о какой либо солидарности съ стремленіями, представляемыми г. Лимановскимъ, но долженъ быть поставленъ вопросъ просто о борьбѣ противъ нихъ, борьбѣ прежде всего со стороны той галицкой федераціи поляковъ, украинцевъ и евреевъ, программа которой была въ рукахъ г. Лимановскаго, когда онъ говорилъ передъ конгрессомъ въ Хурѣ.

На томъ же конгрессѣ г. Лимановскій говорилъ, по извѣстіямъ газетъ, отъ имени социалистическаго общества „Людь Польскій“, котораго программа была недавно перепечатана въ „*Вольномъ Словѣ*“. Намъ нѣтъ резона разбирать здѣсь эту программу, которой представительство г. Лимановскаго даетъ болѣе опредѣленное значеніе. Мы остановимся только на одной ея подробности: программа эта признаетъ необходимость „устраненія политическо-національнаго гнета (конечно, надъ народомъ польскимъ) посредствомъ (его) національной независимости въ границахъ добровольнаго тяготѣнія“ (*dobrowolnego ciążenia*, — во французскомъ изданіи программы это мѣсто переведено весьма вольно: *dans les frontières de libre fédération*, а въ русскомъ: „добровольнаго союза“).

Что должно разумѣть подъ словами: „*dobrowolne ciążenie*“?

Никакое революціонное движеніе не можетъ опираться ни на что, кромѣ „добровольнаго тяготѣнія“, — такъ что, въ общемъ смыслѣ, всего этого параграфа можно было и не писать. Очевидно, что въ этихъ словахъ надо искать отвѣта на вопросъ о границахъ того польскаго государства, которое предположило возстановить общество „Людь Польскій“, и отвѣта, сообразно которому въ государствѣ этомъ могутъ принять участіе и не польскія населенія. Но, если такъ, — то почему же это будетъ все таки Польша, Людь Польскій? Очевидно, что вся выше писанная темная формула есть ничто иное, какъ порожденіе страха признаваться въ историческомъ польскомъ патріотизмѣ и страха или нежеланія отказаться отъ него рѣшительно. Послѣ всего сказаннаго мы считаемъ излишнимъ говорить о томъ, что съ такими темными формулами нельзя освобождать ни народъ польскій, ни сосѣдніе съ нимъ народы*).

возстановленіи Польши, отъ которой отеклась эта программа!!

*) Единственно для полноты мы должны упомянуть о статьѣ г. Лимановскаго въ „*Prescurseur*“ 1881, № 29, 31 и слѣд. Статья эта представляетъ возраженія на нашу статью въ „*Revue Socialiste*“ „*Les na-*

Не болѣе счастливы окажутся поиски за новымъ отношеніемъ польскихъ дѣятелей къ вопросу непольскихъ народовъ бывшей Рѣчи Посполитой и среди другой фракціи польскихъ социалистовъ, той, которая теперь въ „Przedswit“—ѣ сама полемизируетъ, по своимъ резонамъ, съ фракціей „Люда Польскаго“. Какъ видно и изъ подписи посланія „Przedswit“—а „къ Русскимъ товарищамъ социалистамъ“, фракція эта та же самая, которая издавала прежде „Równosc“. Эта „Równosc“ напечатала было въ 1879 г. свою „программу польскихъ социалистовъ“, изъ которой былъ вполне исключенъ политическій вопросъ объ освобожденіи Польши, по въ которой не было сказано ни слова ни о томъ, какое же поле дѣйствія избираютъ себѣ „польскіе социалисты“, ни объ отношеніяхъ ихъ къ ближайшимъ сосѣдямъ дѣйствительнаго польскаго народа. Въ свое время мы покажемъ, что вопросъ этотъ былъ поставленъ передъ публицистами „Równosci“ и ихъ соплеменниками и сосѣдами, но они предпочли уклониться отъ всякаго отвѣта на него*). Можно бы было думать, что такое уклоненіе произошло отъ того, что на той высотѣ интернаціональнаго міровоззрѣнія, на какую стала программа „Równosci“, такой отвѣтъ или самъ собою подразумевался, или самый вопросъ представлялся совсѣмъ лишнимъ. Однако на отношеніи „Równosci“ и ея французскаго бюллетеня къ Галиціи

tions de l'Europe orientale et le socialisme international», — основныя мысли которой руководятъ нами и при составленіи настоящаго труда. Мы должны сказать, что вообще г. Лимаковский напрасно поторопился спорить съ нами, такъ какъ статья наша не окончена печатаніемъ, — а въ частности, что до вопроса о польскихъ революціонерахъ 1863 г. и теперешнихъ социалистахъ, мы не можемъ понять, что собственно хотѣлъ сказать авторъ. Онъ не счелъ возможнымъ развернуть теперь передъ европейскою публикой знамя исторической Польши и призналъ въ концѣ статьи, что и бѣлоруссы, и литвины, по всей вѣроятности, будутъ развиваться самостоятельно отъ Польши. А если такъ, — то за чѣмъ же г. Л. поднялъ споръ противъ нашей критики программы 1863 г. и противъ нашихъ требованій отъ социалистовъ-поляковъ, воспитанныхъ средствами разныхъ народовъ исторической Польши? Затѣмъ, съ статьею Лимаовскаго трудно намъ спорить еще и потому, что она прибѣгаетъ къ слишкомъ адвокатскимъ приемамъ. Такъ напр. г. Л.—ій желаетъ защитить идею присоединенія Украины къ Польшѣ нашимъ же свидѣтельствомъ о томъ, что украинская народность имѣетъ болѣе свободы въ Галиціи, чѣмъ въ Россіи. Но г. Л., который самъ жилъ въ Галиціи, долженъ же знать, что украинцы этимъ обязаны не польскимъ политикамъ, а австрійскимъ законамъ. Если онъ этого не знаетъ, то онъ былъ глухъ и слѣпъ ко всему, что дѣлалось около него, — а если онъ это знаетъ, то зачѣмъ же онъ запутываетъ понятія французскихъ читателей, которые не въ состояніи провѣрить его?!

*) Здѣсь мы упомянемъ только, что въ бумагахъ краковского процесса сторонниковъ „Równosci“ находятся слѣды одной изъ польскихъ программъ, въ которой находимъ такіе слова: «свобода политическая и національная, обезпеченная федераціей производительныхъ группъ народа польскаго въ границахъ этнографическихъ» (Wolność polityczna i narodowościowa, zapewniona przez federacyę wytwórczych grup ludu Polskiego w granicach narodowości). Программа эта была составлена въ Галиціи, какъ видно изъ процесса, лицами, находившимися въ сношеніяхъ съ „Równosc“ и съ г. Лимаовскимъ, тогда къ ней принадлежавшимъ, но, какъ видно изъ сказаннаго выше, не была ими принята во вниманіе.

(и Западной, и Восточной), которую редакція изображала, какъ часть Польши, и въ которой она систематически игнорировала русинскій элементъ, — который былъ упомянутъ только разъ, какъ существующій будто только въ селахъ подъ Львовомъ, а не въ самомъ Львовѣ, и упомянутъ въ полемико-юмористической статейкѣ, запутывавшей вопросъ, а не уяснявшей его, — можно видѣть, что причины вышеупомяну, таго умолчанія вовсе не тѣ, какія были сейчасъ предположены. Разъ же признавши, что вся Галиція — Польша, — нѣтъ никакой надобности въ иной пропагандѣ въ ней, кромѣ польской. А чѣмъ же отличается отношеніе Восточной Галиціи къ Польшѣ отъ отношенія Волыни, Бѣлоруссіи, Литвы? Почему же и имъ не выйти Польшею? Къ тому же публицисты и ораторы „Równosci“, — какъ и г. Лимаовскій въ названной выше брошюрѣ, — всякій разъ, когда имъ приходилось говорить о восточныхъ своихъ отношеніяхъ, говорили только о великорусскомъ (rossyjskim) народѣ, какъ будто народовъ, промежуточныхъ между нимъ и народомъ польскимъ, и не существовало.

Въ напечатанномъ недавно воззваніи фракціи „Równosci-Przedswita“ къ „русскимъ (по польски — rossyjskim, т. е., великорусскимъ) товарищамъ“ видно, что фракція эта уже не игнорируетъ ни политическаго вопроса, ни существованія національностей. Она между прочимъ считаетъ нужнымъ „сорганизовать одну общую социалистическую партію, въ составъ которой вошли бы социалистическія организации различныхъ національностей въ предѣлахъ русскаго государства и „выработать общую политическую программу для всѣхъ социалистовъ, дѣйствующихъ въ русскомъ государствѣ“, и предлагаетъ великорусскимъ товарищамъ совместно съ нею выработать такую программу, даже не боясь „обвиненій въ централизмъ“. Да! — фракція „Równosci“, — прежняго органа „польскихъ социалистовъ“, — теперь уже не признаетъ надобности существованія „польскихъ социалистовъ“, какъ чего то цѣлаго, — хотя и съ оговоркой, которая возстановляетъ эту цѣлостъ*). Но при этомъ польская фракція социалистовъ русскаго государства предлагаетъ великорусской ихъ фракціи составить сообща съ нею программу, общую для всѣхъ социалистическихъ организаций различныхъ національностей этого государства, не упоминая не только о другихъ фракціяхъ, но даже ни о какихъ другихъ національностяхъ этого государства! Значитъ ли это, что никакихъ другихъ фракцій кромѣ польской и великорусской въ Россіи нѣтъ, или что поляки и великоруссы вообще компетентны составить политическую программу для социалистовъ всѣхъ національностей Рос-

*) Вотъ текстъ относящагося сюда параграфа посланія: «Польская социальная партія, какъ нѣчто цѣлое, существовать не можетъ, а могутъ быть только польскія социальныя группы въ Россіи, Австріи и Германіи, которыя сообща съ социальными организациями иныхъ національностей въ данномъ государствѣ, создаютъ органическій союзъ, что не можетъ имѣть мѣшать входить въ связи, какъ между собой, такъ и съ другими социалистическими организациями».

сія?? Не беремся отвѣчать. Но это обращеніе польской фракціи и это умолчаніе остается все таки фактомъ характернымъ и мало предвѣщающимъ добраго, по крайней мѣрѣ для фракціи „Przedswita“.

Впрочемъ, послѣдней есть еще возможность вполне рациональнаго выхода. Это — отнестись серьезно къ поставленному накопецъ и ея самому вопросу и начать его серьезную разработку прежде всего съ своего, польскаго конца. Правда, авторамъ деклараціи сейчасъ же придется расширить ту узкую рамку, которую ставятъ по крайней мѣрѣ выраженія, если не цѣль, этой деклараціи, вообще довольно торопливо редижированной. Декларация эта говоритъ только о необходимости сліятія существующихъ въ Россіи „социалистическихъ организаций различныхъ національностей“ для достиженія политической свободы, — а изъ способовъ этого достиженія говоритъ только о „террористической борьбѣ“. Но при серьезномъ размышленіи очевидно, что какъ одною „террористической борьбою“, т. е., убійствами, или, если угодно, „казнями“, политическая свобода не можетъ быть достигнута, — такъ и одно сліянiе существующихъ социалистическихъ организаций въ Россіи, — да еще и изъ нихъ только тѣхъ, которыя будутъ признаны за таковыя единомышленниками „Przedswita“ (который напр. отрицательно относится и къ „Люду Польскому“), — не составитъ еще очень важнаго дѣла, даже на столько важнаго, чтобъ о немъ надо было возвѣщать печатными манифестами. Для политическаго переворота необходимо участіе большихъ массъ; сторонники переворота должны привлечь эти массы, нашедши у нихъ жизненные интересы, страдающіе отъ теперешняго порядка вещей, и убѣдивши ихъ, что интересы эти будутъ удовлетворены, по совершеніи переворота. Поэтому, если въ данномъ случаѣ есть серьезный вопросъ, требующій общаго обсужденія, такъ это вопросъ „соединенія“ массъ „различныхъ національностей русскаго государства“ для борьбы за такую политическую форму, которая бы обезпечивала политическую свободу всѣхъ ихъ вмѣстѣ и каждой порознь. Вполнѣ серьезная постановка такого вопроса можетъ быть только результатомъ заявленія голосовъ каждой изъ національностей Россіи, — если уже говорить о національностяхъ, — а мы бы прибавили: и каждой изъ ея сколько нибудь оригинальныхъ мѣстностей. Но возможно, что и одна или нѣсколько національныхъ или мѣстныхъ группъ поставятъ достаточно резонно различныя подробности даннаго вопроса, хотя бы только теоретически. Для этого онѣ должны начать съ опредѣленія того, какія же національности или мѣстности, — или вообще естественныя единицы составляютъ то цѣлое, которое надо благоустроить? какія въ каждой изъ нихъ существуютъ нужды для удовлетворенія? какіе способы слѣдуетъ употребить, чтобъ вызвать заявленія объ этихъ и другихъ нуждахъ, чтобъ привлечь къ борьбѣ массы этихъ національностей или мѣстностей? и т. д. На польскихъ членахъ желаемой общей ор-

ганизации естественнымъ образомъ ле-
жить задача подобнаго изслѣдованія мѣст-
ностей національности польской, а за тѣмъ,
конечно, ближайшихъ къ ней, тѣмъ болѣе,
что польскіе дѣятели во всѣхъ фракціяхъ,
не исключая и фракціи „*Rowności*“, выхо-
дили и выходили изъ мѣстностей и собствен-
но польскихъ, и литовско-латышско-бѣлорус-
ско-украинскихъ. Польскимъ дѣятелямъ, если
только они пожелають отнестись серьезно
къ предложенной фракціей „*Przedsiwita*“ ра-
ботѣ, придется, быть можетъ, прежде всего
поставить самимъ себѣ вопросы: можно ли
считать за національности населенія выше-
упомянутыхъ непольскихъ мѣстностей Рос-
сиі или нѣтъ? и каковы при томъ и дру-
гохъ отвѣты на этотъ вопросъ могутъ быть
способы для привлеченія и этихъ населеній
къ участию въ борьбѣ за политическую сво-
боду? равно, каковы должны быть формы
этой свободы, которыя бы оградили инте-
ресы этихъ національностей, если ихъ су-
ществованіе признается? Отвѣты на эти во-
просы тѣмъ болѣе необходимы, что исторія
большихъ державъ западной Европы, не
исключая на этотъ разъ и англійской, на-
учила насъ, что отъ такой или иной поста-
новки подобнаго вопроса зависѣло то,
что послѣ длиннаго ряда политическихъ
переворотовъ извѣстныя націи попали въ
столь свободныя политическія формы, что
иногда даже не безъ основанія стали възды-
хать и о старинномъ абсолютизмѣ и, иногда
при песимистическихъ стремленіяхъ къ свобо-
дѣ, становились орудіями для контр-рево-
люцій.

Не имѣя чести принадлежать къ числу
„русскихъ товарищей“ „*Przedsiwita*“, мы
все таки считаемъ себя не только въ пра-
вѣ, но даже въ обязанности, просто по по-
ложенію публициста, поставить группѣ
„*Przedsiwita*“ изложенные выше вопросы,
и ждать на нихъ категорическихъ отвѣ-
товъ. Иначе,—да простятъ намъ откровен-
ность,—будетъ основаніе считать новую
постановку вопроса о роли поляковъ въ
революціонномъ движеніи въ Россіи или за
поверхностною, минутною вспышкой, или за
новое уклоненіе отъ рѣшительнаго отвѣта
на „проклятые вопросы“: что же такое
Польша? т. е., гдѣ ея границы? и каково
должно быть отношеніе къ плебейскимъ
націямъ бывшей исторической Польши ихъ
опоященной интеллигенціи? Въдѣ при из-
вѣстномъ, напр. „пабатскомъ“, взглядѣ на
данный вопросъ новый оборотъ извѣстной
польской фракціи, которая, вмѣсто признанія
раздѣла исторической Польши между ея
дѣйствительными націями, признаетъ раз-
дѣлъ ея между государствами, съ оговор-
кою, однакожъ, что части ея могутъ вхо-
дить между собою въ союзы,—можетъ ока-
заться только новою попыткою доѣхать
плебейскія націи, если не мытѣмъ, такъ
катанѣмъ. Въ такомъ случаѣ, какъ и при
томъ псевдо-интернационализмѣ, о которомъ
мы говорили выше,—у имущаго и будетъ,
и пріизбудетъ, а у неимущаго, если что
и имѣетъ быть, отнимется“. Напомнимъ,
что устроенная на государственномъ на-
чалѣ нѣмецкая социально-демократическая

партія, даже и при сочувствіи къ полякамъ,
ничего не успѣла сдѣлать для пропаганды
соціализма среди польскаго населенія Гер-
маніи. Равнымъ образомъ и венгерская соціаль-
но-демократическая партія ничего не дѣлаетъ
для пропаганды соціализма среди славянскихъ
и румынскихъ населеній Венгріи,—потому
что не рѣшается вырваться за перегородки
государственно-національныхъ предразсуд-
ковъ, венгерскихъ и нѣмецкихъ, и потому
что она также игнорируетъ не-мадьяровъ и
не-нѣмцевъ Венгріи, какъ польскіе и велико-
русскіе дѣятели игнорируютъ плебейскія
націи Россіи.

М. Драгомановъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА

(Отъ нашего корреспондента).

Принимая на себя обязанность достав-
лять „Вольному Слову“ періодическія со-
общенія, я желаю прежде всего заявить,
что предметомъ ихъ будутъ исключительно
факты, безъ комментариевъ и разсужденій,
предоставляя ихъ всецѣло другимъ дѣй-
ствующимъ корреспондентамъ Вашего журнала
или самой редакціи; къ фактамъ, однако,
я причисляю предположенія и слухи, зани-
мающіе обширные круги общества, а также
и заявленія, дѣлаемые значительными по об-
щественному положенію или вліянію лицами.
Все сообщаемое мною всегда будетъ почер-
пнуто изъ серьезныхъ и внушающихъ до-
вѣріе источниковъ, но при чрезвычайной
подвижности и измѣчивости, характеризую-
щей настоящее положеніе, я никакъ не
могу гарантировать непреложной вѣрности
извѣстій: даже то, что сегодня очевидная
истина, часто становится завтра очевидною
ложью.

Такъ напр., я готовился сообщить Вамъ,
что, въ противорѣчіе съ общими ожиданіями
и толками газетъ, графъ Кальноки не бу-
детъ австро-венгерскимъ министромъ ино-
странныхъ дѣлъ; а сегодняшнія депеши
изъ Вѣны увѣдомляютъ о его послѣдова-
вшемъ назначеніи! Оно удивило здѣсь лицъ,
наилучше извѣщенныхъ; передъ самымъ
отъѣздомъ графъ Кальноки выразилъ одному
изъ главныхъ сановниковъ, что считалъ бы для
себя неблагоразумнымъ обмѣнять свое лег-
кое и мало отвѣтственное положеніе на
неблагодарный постъ перваго министра. Это-
му заявленію положительно повѣрили;
графъ Кальноки здѣсь не только правился,
но и внушалъ довѣріе, и съ его пребыва-
ніемъ здѣсь соединялись нѣкоторые планы
нашихъ политиковъ...

Вообще, кажется, что духъ преобразова-
ній,—нѣкоторые говорятъ: перемѣнъ и пе-
ремѣщеній — долженъ коснуться и нашей
дипломатіи. Не смотря на всѣ увѣренія въ
противномъ офиціозныхъ органовъ, г. Гирсъ
долженъ скоро занять постъ нашего посла
въ Берлинѣ или въ Константинополѣ, что,
конечно, поведетъ къ дальнѣйшему дви-
женію въ высшей дипломатіи. Нѣкоторые
въ этомъ назначеніи видятъ смѣщеніе г.

Гирса, съ принадлежавшаго ему до сихъ
поръ *de facto* руководящаго положенія; дру-
гіе же, напротивъ,—начало самостоятель-
ной дипломатической карьеры, могущей
вѣрнѣе привести къ министерскому порт-
фелю.

Нѣсколько неприятный оборотъ начина-
ютъ принимать опять отношенія съ Ки-
таемъ, съ одной стороны, по случаю вы-
селенія кульдженскаго населенія въ Россію
и, съ другой, вѣдствіе предпринятой пе-
кинскимъ правительствомъ въ колоссаль-
ныхъ размѣрахъ колонизаціи на нашей
амурской границѣ; въ связи съ этимъ и
послѣдовавшая отставка маркиза Цзепга,
заключившаго послѣдній трактатъ, внуша-
етъ опасенія за поддержаніе мира съ им-
періей Богдыхана, которая такъ не кстати
стала заиматься внѣшней политикой, ко-
гда мы желали бы заниматься только внут-
реннею. Въ обществѣ, кромѣ Каткова и
развѣ еще Аксакова, никто не хочетъ и
слышать о внѣшнихъ дѣлахъ, но именно
потому то и опасаются всего, что можетъ
отвлечь отъ домашней работы и прибавить
къ затрудненіямъ, съ которыми и безъ
того не умѣютъ справиться.

Въ правительственныхъ сферахъ дѣя-
тельно занимаются устройствомъ нашихъ
азиатскихъ окраинъ. Туркестанъ, Кавказъ
и Сибирь должны получить, во первыхъ,
конечно, новыхъ правителей,—во вторыхъ
же, и новое устройство. Отъ умирающаго
въ Туркестанѣ Кауфмана полученъ проектъ
организации края, который и обсуждается
въ настоящую минуту. Извѣстій о смерти
Кауфмана ожидаютъ каждую минуту, и за
его наслѣдство, какъ туркестанскаго гене-
ралъ-губернатора, ведется дѣлительная борь-
ба при дворѣ и въ высшей администраціи.
Кандидатовъ двое: Скобелевъ и Черняевъ;
почти весь офиціальныи міръ на сторонѣ
перваго, но второй имѣетъ за себя нѣкото-
рыя очень высокія вліянія. Генералъ Чер-
няевъ, переходя отъ надежды къ отчаянію,
заболѣлъ первною горячкою; меня увѣря-
ютъ, однако, что онъ не только выздоровѣ-
етъ (ему уже лучше), но и займетъ,
если не мѣсто, о которомъ теперь идетъ
дѣло, то непременно какое нибудь другое
важное и высокое положеніе.

Еще болѣе интереса возбуждаютъ толки
о назначеніи графа П. А. Шувалова, одни
говорятъ, кавказскимъ намѣстникомъ, другіе
—сибирскимъ. Графъ Шуваловъ не поль-
зуется ни популярностью въ обществѣ, ни
расположеніемъ при дворѣ, но даже враги
его признаютъ за нимъ серьезныя достоин-
ства и, при настоящемъ отсутствіи спо-
собныхъ людей, его назначеніе въ одинъ
изъ отдаленнѣйшихъ (непремѣнно *отда-
леннѣйшихъ*) краевъ становится весьма вѣ-
роятнымъ.

Вчера имѣло мѣсто послѣднее засѣданіе
чрезвычайной военной комиссіи подъ пред-
сѣдательствомъ графа Коцебу; про эту
комиссію, родъ военнаго парламента, го-
ворятъ, что она не только военная, но и
боевая: между членами ея едва не доходи-
ло до рукопашной битвы. Говорятъ, что
въ заключеніе она высказалась противъ